МИР ВОКРУГ НАС

DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-4-42-55

Страновые рейтинги сегодня и завтра

АНДРЕЙ МАРКОВИЧ МАРГОЛИН, доктор экономических наук, профессор, директор Института финансов и устойчивого развития, проректор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: margolin-am@ranepa.ru
ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА СПИЦЫНА, кандидат экономических наук, заместитель директора научно-образовательного центра финансов и инвестиций Института финансов и устойчивого развития
Российская академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: spitsyna-ta@ranepa.ru

Аннотация: Практическое использование наиболее известных страновых рейтингов не всегда позволяет получить объективную информацию о реальном положении дел в различных странах и оценить перспективы их развития. Народная мудрость, выраженная афоризмом «Мы и не заметили, как истину заменили на рейтинги», становится все более популярной. В статье предложен инструментарий анализа взаимосвязи позиций разных стран в наиболее популярных рейтингах, основанный на использовании матрицы парных коэффициентов корреляции, оценки их значимости по критерию Пирсона и силы корреляционной связи по шкале Чеддока. На основе выполненных расчетов выявлено, что динамика продвижения стран в рейтинге Doing Business не имеет статистически значимой корреляции практически с любыми рейтингами и макроэкономическими показателями, характеризующими реальную динамику социально-экономического развития. Рассматриваются недостатки методик рейтингования стран по показателям уровня процветания, уровня социального развития, индекса верховенства закона, уровня восприятия коррупции, всемирного индекса счастья. Приводятся аргументы, свидетельствующие, что после преодоления пандемии коронавируса с высокой вероятностью более востребованными станут рейтинги, позволяющие оценить качество обеспечения национальной безопасности и степень достижения целей устойчивого развития. Доказывается, что к наиболее перспективным рейтингам, наглядно демонстрирующим наличие конкретных достижений страны в проведении экономических реформ и рост ее международного авторитета, целесообразно отнести рейтинг глобальной конкурентоспособности, индекс человеческого развития и индекс устойчивого развития.
Ключевые слова: страновые рейтинги, статистически значимая корреляция, национальная безопасность, устойчивое развитие

Статья поступила в редакцию 22 июня 2020 года.

Марголин А.М., Спицына Т.А. Страновые рейтинги сегодня и завтра. *Государственная служба*. № 4. С. 42–55.

COUNTRY RATINGS: TODAY AND TOMORROW

ANDREY M. MARGOLIN, Dr. Sci. (Economics), Professor, Director of the Institute of Finance and Sustainable Development, Pro-rector
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571) E-mail: margolin-am@ranepa.ru
TATIANA A. SPITSYNA, Cand. Sci. (Economics), Deputy Director of the Finance and Investments Scientific and Educational Center, Institute of Finance and Sustainable Development
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: spitsyna-ta@ranepa.ru

Abstract: Practical use of the most well-known country ratings does not always allow obtaining objective information about the real situation in various countries and assessing the prospects for their development. Popular wisdom expressed by the aphorism 'We have not noticed how the truth has been replaced with ratings' is becoming increasingly popular. The article proposes a tool for analyzing the relationship between the positions of different countries in the most popular ratings, based on the use of a matrix of paired correlation coefficients, assessing their significance according to the Pearson criterion and the strength of the correlation connection on the Cheddock scale. Based on the calculations, it was found that the dynamics of the countries advancement in the Doing Business ranking did not have statistically significant correlation with almost any ratings and macroeconomic indicators characterizing the real dynamics of socio-economic development. Shortcomings in the methods of ranking countries by prosperity, social development, rule of law index, level of perception of corruption, global happiness index are considered. Arguments are made that once the Coronavirus pandemic has been overcome, it is more likely that ratings will be more in demand to assess the quality of national security and the extent to which sustainable development goals have been achieved. It is proved that it is advisable to include the Global competitiveness rating, Human development index and SDG index as the most promising ratings that clearly demonstrate the country's specific achievements in economic reforms and the growth of its international prestige.
Keywords: country ratings, statistically relevant correlation, national security, sustainable development

The article was received on June 22, 2020.

Margolin A.M., Spitsyna T.A. Country ratings: today and tomorrow. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2020. № 4. P. 42–55.

Введение

Следует признать, что в настоящее время предварительное изучение самых разных рейтингов (страновых, региональных, корпоративных) стало, по сути, обязательным элементом обоснования целесообразности принятия управленческих решений. Рейтинги проникли в повседневную жизнь настолько глубоко, что считаются актуальными «по умолчанию», а внимание профильных экспертов сфокусировано на незначительных корректировках методик рейтингования, аргументации достоинств и определении областей практического применения конкретных рейтингов.

Между тем любые рейтинги являются определенной совокупностью экспертных оценок, корректность и достоверность которых зачастую далеко не очевидна и, если следовать известной максиме французского философа и математика Рене Декарта «Подвергай все сомнению», нуждается в содержательном анализе.

Приведем несколько примеров, подтверждающих данный тезис. Так, в рейтинге стран по благоприятности условий ведения бизнеса (Doing Business) 2019 года[1] одна из беднейших африканских стран, Руанда, заняла 38 место (а по условиям регистрации прав собственности и получения кредита даже третье и четвертое место, соответственно) и опередила Нидерланды (42 место), Бельгию (46 место), Италию (58 место) и некоторые другие страны, по своему потенциалу и возможностям реализации предпринимательских способностей превосходящие Руанду многократно. Очевидный недостаток рейтинга Doing Business заключается в том, что наиболее привлекательные условия для бизнеса будут у страны, расположенной на необитаемом острове. В частности, Руанда занимает в рейтинге Всемирного Банка[2] по душевому валовому внутреннему продукту, рассчитанному по паритету покупательной способности, лишь 171 место из 189 стран мира. При таком объеме экономики почетное 38 место в рейтинге Doing Business и высокие места в частных рейтингах условий регистрации прав собственности и получения кредита, по сути, несущественны.

Перечень примеров можно продолжать, однако это не изменит принципиального вывода о том, что существующие рейтинги зачастую недостаточно объективно отражают реальное положение дел в различных странах и не всегда являются надежным ориентиром для принятия справедливых управленческих решений политического и/или экономического характера.

Более того, причины, ход и ожидаемые последствия пандемии коронавируса заставляют переосмыслить как роль отдельных рейтингов, так и методики их составления. Принципиальное значение имеет постепенно формирующееся в профессиональном сообществе согласованное мнение, что приоритет краткосрочных целей над долгосрочными в сознании значительной части элит привел к созданию своеобразного культа текущего потребления в ущерб развитию здравоохранения, образования и инфраструктуры. Трудно признать здоровым общество, в котором заработная плата не самых известных футболистов может превышать среднюю заработную плату врачей более чем в 300 раз. И именно по этой причине готовность к пандемии коронавируса оказалась не на должном уровне даже у наиболее развитых стран. Этот вывод имеет самое прямое отношение не только к пониманию необходимости совершенствования методик составления традиционных рейтингов, но и к предварительному заключению о целесообразности разработки новых методологий, учитывающих неизбежные изменения в «посткоронавирусном» мире.

Актуальность каких рейтингов уже в ближайшей перспективе снизится, а каких, наоборот, повысится? И почему? Какие направления совершенствования применяемых методик рейтингования следует признать наиболее существенными? Наличествуют ли содержательные аргументы, обосновывающие необходимость введения в пространство принятия управленческих решений новых рейтингов, ранее не применявшихся? Настоящая статья посвящена поиску ответов на эти вопросы, тесно связанные между собой.

О методиках составления страновых рейтингов, их достоинствах, недостатках и направлениях совершенствования

В последнее время популярность проблематики межстрановых сопоставлений на основе использования различных рейтингов стремительно увеличивалась, что привело к появлению большого количества отечественных и зарубежных исследований на эту тему (McCormack, 2018; Bucher, 2018; Барабашев, 2019; Doshi, 2019; Schwab, 2020; Шуманов, 2020; Zarghami, 2020).

Одним из наиболее популярных и широко используемых для сопоставления качества реформ, проводимых в различных странах, является рейтинг по показателю благоприятности условий ведения бизнеса (Doing Business). Значительная часть зарубежных исследователей убеждены, что этот рейтинг оказывает позитивное влияние на усилия правительств в области дебюрократизации регулирования экономических процессов. Квинтэссенция этой позиции приведена в работе «The Power of Ranking: The Ease of Doing Business Indicator and Global Regulatory Behavior» [Doshi, Kelley, Simmons, 2019]. Однако альтернативной точке зрения также находится место на страницах авторитетных изданий. В частности, McCormack считает, что связь рейтинга Doing Business с экономическим развитием неочевидна [McCormack, 2018].

1 https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings

2 https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD

Таблица 1. Динамика изменения позиций России в рейтинге Doing Business в период с 2015 по 2019 год

Data chart 1. Dynamics of changes in Russia's positions in the Doing Business rating for the period from 2015 to 2019

Индикаторы	2015	2016	2017	2018	2019
Простота ведения бизнеса общая оценка)	**51** (из 189 стран)	**40** (из 189 стран)	**35** (из 190 стран)	**32** (из 190 стран)	**28** (из 190 стран)
Открытие бизнеса	41	26	28	32	40
Получение разрешения на строительство	119	115	115	48	26
Подключение к объектам энергоснабжения	29	30	10	12	7
Регистрация собственности	8	9	12	12	12
Получение кредита	42	44	29	22	25
Защита интересов миноритарных инвесторов	66	53	51	57	72
Уплата налогов	47	45	52	53	58
Международные торговые операции	170	140	100	99	99
Выполнение обязательств по контрактам	5	12	18	18	21
Решение проблем неплатежеспособности (закрытие бизнеса)	51	51	54	15	57

Источник: Годовые доклады «Ведение бизнеса» за 2016-2020 годы. https://russian.doingbusiness.org/ru/reports/global-reports/doing-business-2020

Этот рейтинг достаточно давно находится в эпицентре внимания российской политической и бизнес-элиты и весьма удачное продвижение к его вершине за последние 15 лет считается показателем успеха. Так, если в 2006 году Россия занимала лишь 97 место из 175 стран – участниц рейтинга, то в 2020 году – 28 из 190 (в рейтинге, опубликованном в 2020 году, представлены показатели 2019 года). Характерно, что в комментарии РБК, посвященном продвижению России к вершине рейтинга, сам рейтинг назван «флагманским» и подтверждена цель вхождения в двадцатку лучших к 2024 году[3].

Однако существуют и другие оценки. В частности, в статье Олега Шибанова «Призрачный успех России. Что на самом деле предсказывает рейтинг Doing Business», опубликованной на сайте Forbes[4], уже из названия видна позиция автора, именующего достигнутые успехи «призрачными». И если этот вывод верен, то напрашиваются вопросы: «Есть ли смысл концентрировать внимание на данном рейтинге? Не стоит ли пересмотреть приоритеты продвижения в страновых рейтингах, тем более, с учетом консолидированного экспертного мнения о том, что мир после преодоления пандемии коронавируса изменится и весьма существенно?».

Для ответа на эти вопросы рассмотрим динамику продвижения России в каждом из компонентов рейтинга Doing Business в период с 2015 по 2019 год. Соответствующие данные приведены в **таблице 1**, из которой следует: чем выше поднимается страна в рейтинге, тем тяжелее дается каждый следующий шаг.

Характерно, что в течение рассматриваемого периода имела место разнонаправленная динамика изменения позиций страны в локальных рейтингах по каждому отдельному компоненту. Если по таким позициям, как получение разрешения на строительство, подключение к объектам энергоснабжения, получение кредита, международные торговые операции, показатели улучшились, то по всем остальным – либо практически не изменились (открытие бизнеса), либо ухудшились. Такая структура рейтинга позволяет подвергнуть сомнению обоснованность популярной точки зрения о том, что потенциальное лидерство или близкое к нему состояние является индикатором успеха проводимых экономических реформ, свидетельством повышения конкурентоспособности страны и/или повышения качества жизни ее населения.

С одной стороны, косвенным подтверждением данного тезиса является тот факт, что присутствие в первой двадцатке рейтинга далеко не самых развитых стран (Грузия, Литва, Маврикий, Северная Македония, Эстония, Латвия) не может являться бенчмаркингом для России. С другой стороны, перечень стран за пределами первой двадцатки включает Германию, Канаду (впереди России, занимающей 28 место), Японию, Испанию, Китай, Францию (с 29 по 32 место), ориентироваться на которые по уровню жизни (например, Германия, Канада) или темпам экономического развития (Китай) весьма прагматично.

С учетом изложенного сформулируем следующую гипотезу: «Пристальное внимание к улучшению позиций России в рейтинге Doing Business слабо связано с повышением ее глобальной конкурентоспособности и может отвлекать ресурсы от достижения более значимых целей». С целью подтвердить или

3 https://www.rbc.ru/economics/24/10/2019/5db03a099a79473f0680ade3

4 https://www.forbes.ru/biznes/387359-prizrachnyy-uspeh-rossii-chto-na-samom-dele-predskazyvaet-reyting-doing-business

опровергнуть данную гипотезу сопоставим позиции разных стран в рассматриваемом рейтинге с занимаемыми ими местами в других известных рейтингах. Такую оценку дополним анализом взаимосвязей положения разных стран во всех рассматриваемых ниже рейтингах, перечень и краткая характеристика методологии определения которых приведена ниже.

Рейтинг глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index)[5] составляется Всемирным экономическим форумом и характеризует конкурентоспособность стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития. Соответствующие индикаторы объединены в четыре блока, состоящих из двенадцати контрольных показателей:

– Благоприятные условия (качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, внедрение ИКТ);

– Человеческий капитал (здоровье и начальное образование, высшее образование профессиональная подготовка);

– Рынки (эффективность рынков товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, размер внутреннего рынка);

– Инновационная экосистема (конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал).

Принято считать, что именно этот рейтинг, методика составления которого совершенствуется уже более 15 лет (с 2004 года) является в настоящее время наиболее репрезентативным с точки зрения сравнительной оценки конкурентоспособности различных стран мира.

Индекс человеческого развития (**Human Development Index)**[6], применяемый в качестве инструмента ранжирования стран на основе расчета среднего геометрического стандартизированных (от 0 до 1) индексов ожидаемой продолжительности жизни, доступности образования и уровня жизни.

Индекс уровня процветания (The Legatum Prosperity Index)[7] рассчитывается путем определения средневзвешенного значения индикаторов, каждый из которых со своей стороны характеризует благополучие и процветание разных стран мира. Эти индикаторы объединены в девять номинаций, отражающих различные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния: экономика, предпринимательство, управление, образование, здравоохранение, безопасность, личные свободы, социальный капитал, экология.

Уровень социального развития (The Social Progress Index)[8], определяемый на основе индекса социального прогресса, разработанного в 2013 году под руководством одного из наиболее авторитетных экспертов в области стратегического менеджмента Майкла Портера. При расчете индекса используется массив из более чем 50 показателей, объединенных в три ключевых блока:

– базовые потребности человека: качество воды, питание, доступность базового медицинского обслуживания, наличия жилья, личная безопасность»;

– основы благополучия: уровень грамотности населения, возможности доступа к информации и коммуникациям, уровень развития здравоохранения, качество окружающей среды;

– возможности развития человека: личные права и свободы, доступность высшего образования; наличие возможностей человека принятия решений и реализации своего потенциала.

Характерно, что показатели социального прогресса рассматриваются не во взаимосвязи с показателями экономического развития, а в качестве определенной альтернативы им. Структура блоков синтетического показателя уровня социального развития такова, что включает в себя, но далеко не полностью, показатели, характеризующие достижение целей устойчивого развития.

Размер ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС), составляемый Всемирным банком[9]. Валовой внутренний продукт по ППС на душу населения считается характеристикой, наиболее объективно отражающей уровень экономического развития страны по сравнению с традиционным показателем номинального душевого ВВП. Так происходит потому, что показатели номинального ВВП корректируются с учетом уровня цен и покупательной способности населения в разных странах. К недостаткам теории ППС относятся: отсутствие учета транспортных издержек и ограничений по перевозке товаров при его определении, сложность унификации набора товаров и услуг, включаемых в методику расчета ППС, из-за различий в приоритетах потребления населения разных стран, а также сложность включения в методику определения ППС спроса на валюту в качестве инвестиционного актива и нерыночные услуги.

Индекс верховенства закона (The Rule of Law Index)[10] измеряет качество законодательства и практики правоприменения в разных странах мира на основе 47 показателей, объединенных в восемь блоков: ограничение полномочий институтов власти, отсутствие коррупции, порядок и безопасность, соблюдение законов, гражданское и уголовное правосудие, защита основных прав граждан, прозрачность институтов власти. При определении индекса учитываются открытые статистические данные, имеющие прямое и/или косвенное отношение к следованию при-

5 http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

6 https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index

7 https://www.prosperity.com/

8 http://www.socialprogressindex.com/

9 https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD

10 https://data.worldjusticeproject.org/

нципам верховенства закона, и экспертные оценки участников опроса. К недостаткам рейтинга относятся широкие возможности для субъективных оценок экспертов как при «сборке» показателей отдельных блоков в интегральный рейтинг, так и при сравнении частных показателей рейтинга в отдельных странах.

Индекс восприятия коррупции (The Corruption Perceptions Index)[11] **,** представляет собой глобальное исследование восприятия коррупции в разных странах мира, также как и Индекс верховенства закона (The Rule of Law Index), основанное на использовании общедоступных статистических данных и обобщении результатов опросов экспертов. Под коррупцией понимаются любые злоупотребления служебным положением в целях личной выгоды. При определении индекса доминирует установка на экспертные оценки. Методология определения рейтинга исходит из того, что официально публикуемые статистические данные недостаточно репрезентативны, так как характеризуют не столько уровень коррупции, сколько эффективность работы правоохранительных органов по ее пресечению. По сути, рассматриваемый индекс характеризует не уровень коррупции в различных странах, а именно уровень ее восприятия экспертами, работающими в тесном контакте с международной неправительственной организацией Transparency International. Таким образом, получаемые в результате оценки часто весьма субъективны.

Рейтинг стран мира по уровню счастья (World Happiness Report)[12]. Авторы-составители полагают, что качество жизни людей может быть достаточно достоверно оценено с помощью различных субъективных индикаторов благосостояния, которые в своей совокупности могут интерпретироваться как «счастье». При определении рейтинга используются следующие показатели: ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения; ожидаемая продолжительность здоровой жизни; социальная поддержка (на основе ответов на вопрос о возможности получения помощи при возникновении проблемных жизненных ситуаций), свобода жизненного выбора (на основе обобщения результатов ответов респондентов на соответствующий вопрос; щедрость (на основе ответа на вопрос о тратах респондентов на благотворительность) и восприятие коррупции. Особенность рейтинга заключается в том, что от года к году его авторы акцентируют свое внимание на разных факторах, влияющих на восприятие счастья (например, 2020 – городская и социальная среда, доверие к государственным институтам; 2019 – связь между властью и счастьем, польза для общества, использование информационных технологий). Поэтому существуют объективные сложности в интерпретации динамики результатов рейтинга по разным странам.

Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index)[13]**,** разработанный британским исследовательским центром New Economic Foundation. Предназначен для расчета эффективности, с которой разные страны используют экономические и природные ресурсы в целях обеспечения счастливой жизни своим гражданам. При его определении авторы методики измеряют четыре показателя, характеризующие оценки граждан разных стран, касающиеся их восприятия счастливой жизни:

– благополучие (насколько граждане разных стран удовлетворены жизнью в целом по шкале от 1 до 10);

– ожидаемая продолжительность жизни (на основе данных ООН);

– неравенство в удовлетворенности жизнью и продолжительности жизни внутри одной страны;

– экологический след (усредняет воздействие, которое каждый житель той или иной страны оказывает на окружающую среду).

Индекс устойчивого развития, определяемый в рамках проекта международной программы «Сеть решений устойчивого развития» при ООН (UN Sustainable Development Solutions Network) совместно с фондом Bertelsmann Stiftung[14].

Индекс устойчивого развития иллюстрирует степень достижения странами 17 целей устойчивого развития (ЦУР - SDG Index), утвержденных ООН. К ним относятся: ликвидация нищеты; ликвидация голода; здоровье и благополучие; качественное образование; гендерное равенство; чистая вода и санитария; недорогостоящая и чистая энергия; достойная работа и экономический рост; индустриализация, инновации и современная инфраструктура; уменьшение неравенства; устойчивые города и населенные пункты; ответственное потребление и производство; борьба с изменениями климата; сохранение морских экосистем; сохранение экосистем суши; мир, правосудие и эффективные институты; партнерство в интересах устойчивого развития. В основу расчета индекса положены 162 индикатора, определяющие степень достижения различных ЦУР. Все 17 целей при определении индекса рассматриваются как равнозначные. В зависимости от прогресса по достижению ЦУР, страны классифицируются следующим образом:

- «Зеленая зона» в рамках каждой отдельно взятой ЦУР – цель достигнута;
- «Желтая зона» – многое уже сделано на пути к достижению цели;
- «Оранжевая зона» – существуют значительные проблемы;
- «Красная зона» – основные проблемы остаются нерешенными.

Существуют и другие инструменты межстрановых сопоставлений, которые имеют достаточно ши-

11 http://transparency.org/

12 http://www.worldhappiness.report/

13 https://happyplanetindex.org/

14 https://www.sdgindex.org/

рокую сферу применения. К ним, в частности, относятся «Глобальный рейтинг стран и территорий мира по показателю валового внутреннего продукта», рассчитываемый Всемирным банком, и «Индекс продолжительности жизни», публикуемый Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН).

Однако эти инструменты в дальнейшем для достижения целей настоящей статьи не используются, поскольку являются рэнкингами, не требующими разработки особой методологии расчетов, необходимой для каждого рейтинга из приведенного выше перечня. Суть рэнкингов (от английского «ranking» – ранжирование) заключается в простом расположении объектов анализа по убыванию или возрастанию в соответствии со значением конкретного критерия, определяемого на основе доступной информации. Составители рэнкингов предлагают вниманию потребителя упорядоченную базу данных, выводы из изучения которой ему предстоит сделать самостоятельно. Отличительная особенность рейтингов (от английского «rate» – оценивать), наоборот, заключается в сравнительной оценке объектов анализа, часто многокритериальной, осуществляемой в соответствии с правилами, разработанными инициаторами создания рейтинга.

Рэнкинг нельзя усовершенствовать, можно лишь отказаться от использования в случае, если формирующая его база данных утратит актуальность. В то же время методики составления рейтингов совершенствуются практически постоянно в целях повышения репрезентативности получаемых оценок. Более того, данные рэнкингов часто интегрируются в различные рейтинги с помощью определяемых для них весовых коэффициентов значимости. Например, отмеченные выше рэнкинги по размеру валового внутреннего продукта и продолжительности жизни учитываются при определении рейтинга стран по уровню человеческого развития.

Именно поэтому представляется целесообразным исключить рэнкинги, принципиально отличающиеся от рейтингов содержанием решаемых ими задач, из используемого далее инструментария анализа взаимосвязи позиций разных стран в рейтингах, входящих в приведенный ранее перечень.

Отмеченный инструментарий описывается следующим алгоритмом:

А. Формируется набор исходных данных, в котором рейтинг Doing Business используется в качестве фундамента в том смысле, что первые 58 стран рейтинга попадают в исходную матрицу, приведенную в таблице 2, с порядковыми номерами, соответствующими их местам в последнем рейтинге за 2020 год. Матрица исходных данных формировалась так, чтобы к нее попали все страны «большой семерки», Россия и Китай. Соответственно, в последнем рейтинге Doing Business 58 место занимает Италия, которая «замыкает» список стран из обязательного перечня. Всего анализ распространяется на 55 стран (из анализа исключены Гонконг, Тайвань и Косово, занимающие в рейтинге соответственно 3, 15 и 57 места). Эти же страны включаются в исходную таблицу с номерами, соответствующими занятым ими местам во всех других рейтингах (Всемирный индекс счастья New Economic Foundation приводится по последнему исследованию за 2016 год; во всех остальных случаях – данные рейтингов за 2019 год).

Б. Места, занятые странами в каждом из рейтингов и представленные в **таблице 2**, выражаются в процентах от общего числа стран – участниц этого рейтинга. Такая процедура необходима потому, что практически все рейтинги по числу стран-участниц по разным причинам отличаются друг от друга. Иногда такие отличия исчезающе малы, а в ряде случаев весьма существенны и, например, 20 место в рейтинге Doing Business из 190 стран не эквивалентно 20 месту в рейтинге стран по уровню процветания, включающему 167 стран.

В. Определяются парные коэффициенты корреляции, характеризующие взаимосвязь позиций различных стран во всех рассматриваемых рейтингах. Соответствующие результаты расчетов, основанные на скорректированных с учетом различий рейтингов по числу стран-участниц данных таблицы 2, приводятся в **таблице 3** в форме матрицы парных коэффициентов корреляции. Статистическая значимость корреляционной связи проверяется с помощью таблиц критических значений корреляции Пирсона для уровня значимости, равного 0,01, и числа степеней свободы, соответствующему объему выборки ($k = n - 2$, где k – число степеней свободы, n – объем выборки). На основе матрицы парных коэффициентов корреляции дается содержательная интерпретация полученных результатов.

Проанализируем полученные результаты. Поскольку инвестиции в одновременное продвижение вперед в большом количестве рейтингов в любом случае приведет к распылению ограниченных ресурсов, целесообразно выявить те из них, которые в наибольшей степени способствуют улучшению международной репутации страны и повышению ее конкурентоспособности.

Так, из данных таблицы 3 следует, что рейтинги Doing Business и - Всемирного индекса счастья, определяемого по методике, разработанной британским исследовательским центром New Economic Foundation, «выбиваются» из общего ряда других рейтингов.

Причем, как свидетельствуют данные рассматриваемой таблицы, корреляционная связь Всемирного индекса счастья со всеми остальными рейтингами является несущественной, что подтверждается анализом соотношения фактических ($r_ф$) и критических ($r_{кр}$) значений коэффициентов корреляции Пирсона, определенных для уровня значимости 0,01 и степеней свободы, определяемого объемом выборки (в данном случае $r_ф < r_{кр}$ для любого парного коэффициента кор-

Таблица 2. Данные о позициях стран в различных рейтингах
Data chart 2. Data on the positions of countries in various ratings

Страна	Порядковые номера рассматриваемых рейтингов*										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Место из 190 стран	Место из 141 страны	Место из 189 стран	Место из 167 стран	Место из 149 стран	Место из 231 стран	Место из 113 стран	Место из 180 стран	Место из 156 стран	Место из 140 стран	Место из 162 стран
Новая Зеландия	1	19	14	7	7	30	7	2	8	38	11
Сингапур	2	1	9	16	27	3	13	4	34	-	66
Дания	4	10	11	1	2	16	1	1	2	32	1
Южная Корея	5	13	22	29	23	31	20	39	54	80	18
США	6	2	15	18	26	11	19	24	19	108	35
Грузия	7	74	70	53	56	107	38	46	119	40	73
Великобритания	8	9	15	11	13	24	11	15	15	34	13
Норвегия	9	17	1	2	1	10	2	7	3	12	8
Швеция	10	8	8	4	5	18	4	5	7	61	2
Литва	11	39	34	33	32	39	-	37	42	107	32
Малайзия	12	27	61	41	46	45	53	53	80	46	68
Маврикий	13	52	66	44	44	62	-	56	57	63	105
Австралия	14	16	6	17	12	19	10	12	11	105	38
ОАЭ	16	25	35	40	61	6	32	21	21	-	65
Северная Македония	17	82	82	54	67	85	57	111	84	90	70
Эстония	18	31	30	21	25	38	12	18	55	118	10
Латвия	19	41	39	35	36	47	-	47	53	121	24
Финляндия	20	11	12	5	4	16	3	3	1	37	3
Таиланд	21	40	77	66	72	75	71	105	52	9	40
Германия	22	7	4	8	8	17	6	9	17	49	6
Канада	23	14	13	14	9	21	9	14	9	85	20
Ирландия	24	24	3	12	14	4	-	19	16	48	19
Казахстан	25	55	50	68	69	54	64	114	60	114	77
Исландия	26	26	6	10	6	12	-	11	4	39	14
Австрия	27	21	20	13	20	14	8	13	10	43	5
Россия	28	43	49	74	62	56	89	144	68	116	55
Япония	29	6	19	19	10	26	14	20	58	58	15
Испания	30	23	25	25	17	32	23	33	30	15	21
Китай	31	28	85	57	89	77	75	81	93	72	39
Франция	32	15	26	23	15	25	18	23	24	44	4
Турция	33	61	59	91	71	53	101	92	79	68	79
Азербайджан	34	58	87	92	-	78	-	126	90	-	59
Израиль	35	20	22	31	31	33	-	36	13	54	49
Швейцария	36	5	2	3	3	8	-	6	6	24	17
Словения	37	35	24	27	21	37	26	38	44	82	12
Руанда	38	100	157	106	110	171	-	54	152	111	126
Португалия	39	34	40	26	18	41	21	31	66	79	26
Польша	40	37	32	36	33	46	25	43	40	62	29
Чехия	41	32	26	28	24	34	17	45	20	64	7
Нидерланды	42	4	10	6	11	13	5	8	5	18	9
Бахрейн	43	45	45	58	-	23	-	78	37	-	76
Сербия	44	72	63	52	53	84	76	91	70	52	44
Словакия	45	42	36	32	35	40	-	59	38	59	27
Бельгия	46	22	17	22	19	20	15	17	18	87	16
Армения	47	69	81	61	59	114	-	77	116	73	75
Молдова	48	86	107	81	70	130	78	120	71	-	37
Беларусь	49	-	50	73	48	70	65	67	81	102	23
Черногория	50	73	52	50	58	69	-	68	73	78	87
Хорватия	51	63	46	45	38	55	35	63	75	47	22
Венгрия	52	47	43	46	39	48	50	70	62	69	25
Марокко	53	74	121	100	82	120	67	84	89	33	72
Кипр	54	44	31	34	28	36	-	42	49	41	61
Румыния	55	51	52	47	45	52	27	71	48	55	42
Кения	56	95	147	113	109	156	95	138	121	83	125
Италия	58	30	29	30	22	28	31	52	36	60	30

реляции, включающего Всемирный индекс счастья). Методика его определения принципиально не учитывает экономические показатели стран и нацелена на то, чтобы показать, что «не в деньгах счастье». Так, первая десятка этого рейтинга (Коста-Рика, Мексика, Колумбия, Вануату, Вьетнам, Панама, Никарагуа, Бангладеш, Таиланд, Эквадор) не включает ни одной страны, входящей, например, в Топ-60 рейтинга стран по уровню человеческого развития. Однако без необходимых ресурсов добиться значительной активной продолжительности жизни и решить экологические проблемы не представляется возможным. Именно поэтому методология определения Всемирного индекса счастья остается уязвимой для критики.

Примечание к таблице 2. Порядковые номера рассматриваемых рейтингов: 1 – Doing business; 2 - Уровень глобальной конкурентоспособности; 3 - Индекс человеческого развития; 4- Уровень процветания; 5- Уровень социального развития; 6- Размер душевого валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности; 7 - Индекс верховенства закона; 8- Уровень восприятия коррупции; 9 - Уровень счастья, определяемый по методике UN Sustainable Development Solutions Network; 10 - Всемирный индекс счастья New Economic Foundation; 11 - Индекс устойчивого развития.

Таблица 3. Матрица парных коэффициентов корреляции; критические значения коэффициентов корреляции Пирсона при уровне значимости, равном 0,01 / заданное число степеней свободы

Data chart 3. Matrix of paired correlation coefficients; critical values of Pearson correlation coefficients at a significance level equal to 0.01 / given number of degrees of freedom

Порядковые номера рассматриваемых рейтингов		Критические значения коэффициентов корреляции Пирсона при уровне значимости, равном 0,01 / число степеней свободы										
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Парные коэффициенты корреляции	1	1	0,354/ 52	0,351/ 53	0,351/ 53	0,358/ 51	0,351/ 53	0,408/ 39	0,351/ 53	0,351/ 53	0,368/ 48	0,351/ 53
	2	0,49	1	0,354/ 52	0,354/ 52	0,358/ 51	0,354/ 52	0,408/ 39	0,354/ 52	0,354/ 52	0,368/ 48	0,354/ 52
	3	0,39	0,87	1	0,351/ 53	0,358/ 51	0,351/ 53	0,408/ 39	0,354/ 52	0,351/ 53	0,368/ 48	0,351/ 53
	4	0,46	0,86	0,92	1	0,358/ 51	0,351/ 53	0,408/ 39	0,351/ 53	0,351/ 53	0,368/48	0,351/ 53
	5	0,33	0,82	0,92	0,95	1	0,358/ 51	0,408/ 39	0,358/ 51	0,358/ 51	0,368/ 48	0,358/ 51
	6	0,39	0,89	0,95	0,86	0,85	1	0,408/ 39	0,351/ 53	0,351/ 53	0,368/ 48	0,351/ 53
	7	0,36	0,76	0,83	0,93	0,93	0,78	1	0,408/ 39	0,408/ 39	0,408/ 39	0,408/ 39
	8	0,44	0,77	0,76	0,87	0,82	0,71	0,93	1	0,351/ 53	0,368/ 48	0,351/ 53
	9	0,34	0,83	0,88	0,85	0,85	0,89	0,79	0,70	1	0,368/ 48	0,351/ 53
	10	- 0,01	0,28	0,23	0,31	0,32	0,23	0,22	0,31	0,34	1	0,368/ 48
	11	0,20	0,72	0,75	0,76	0,81	0,68	0,83	0,60	0,72	0,31	1

Примечание. Например, парный коэффициент корреляции между рейтингами Doing Business (№ 1) и уровня социального развития (№ 5) равен 0,33, критическое значение коэффициента корреляции Пирсона - 0,358 (оба параметра выделены жирным подчеркнутым курсивом). Поскольку в рассматриваемом случае критическое значение коэффициента корреляции превышает фактическое, такую корреляционную взаимосвязь нельзя признать существенной.

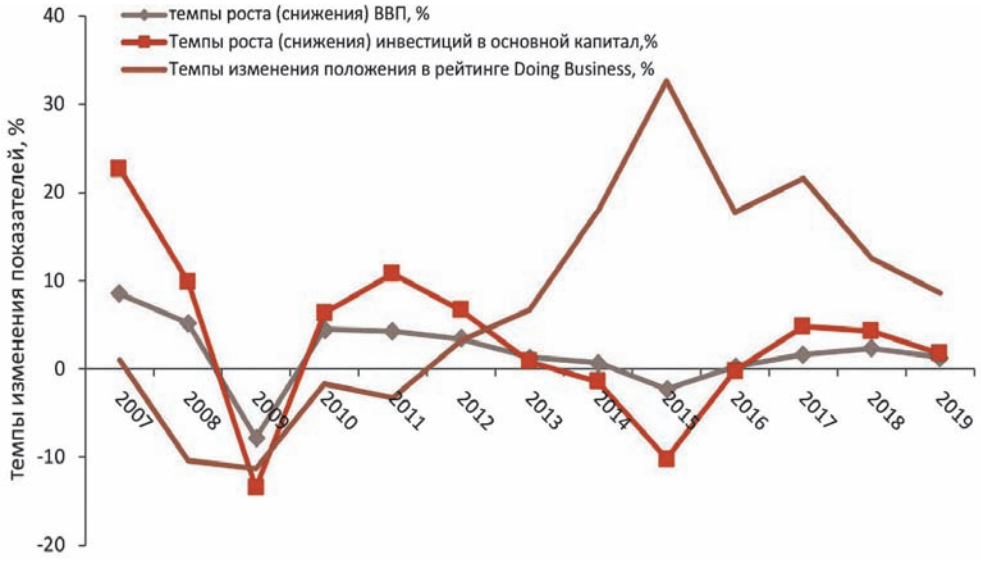
Что же касается рейтинга Doing Business, то гипотеза о несущественности коэффициента корреляции получила подтверждение примерно в 50 % случаев (взаимосвязь с рейтингами №№ 5, 7, 9, 10, 11). В остальных случаях рассматриваемую гипотезу следует отклонить. Однако на данную проблему целесообразно посмотреть не только с точки зрения существенности полученных коэффициентов корреляции, но и с позиций оценки так называемой «силы корреляционной связи», для которой применяется известная шкала Чеддока. В таблице 4 такая оценка представлена применительно к рейтингу Doing Business и ко всем остальным рейтингам за исключением рейтингов Doing Business и Всемирного индекса счастья.

Сила корреляционной связи между всеми другими страновыми рейтингами является высокой, а сила связи с ними рейтинга Doing Business – слабой.

Изучим **рисунок 1**, где приводятся результаты сопоставления данных периода уверенного продвижения России в рассматриваемом рейтинге с публи-

Рисунок 1. Сопоставление динамики изменения положения России в рейтинге Doing Business с динамикой темпов роста ВВП и инвестиций в основной капитал

Fig. 1. Comparison of the dynamics of Russia's position in the Doing Business rating with the dynamics of GDP growth and investment in fixed assets

куемыми Росстатом ключевыми показателями экономического развития.

Характер этих графиков существенно отличается. Показательно, что динамика изменения положения России в рейтинге Doing Business и, например, динамика темпов роста ВВП характеризуются слабой отрицательной корреляцией (r = - 0,185)[15], которая оказывается несущественной при сопоставлении с критическим значением коэффициента корреляции Пирсона даже при уровне значимости 0,1 и количестве степеней свободы, определяемом с учетом числа лет наблюдений и для рассматриваемого случая равном 11 (этот же вывод справедлив и для коэффициента корреляции, характеризующего взаимосвязь динамики рейтинга Doing Business и объема инвестиций в основной капитал и составляющего -0,316).

Но сам факт, что даже эта несущественная корреляция представляется отрицательной (то есть, лишенной возможности какой-либо содержательной интерпретации), является дополнительным аргументом в пользу подтверждения сформулированной ранее гипотезы о том, что избыточная концентрация внимания на улучшении позиций России в рейтинге Doing Business лишь создает иллюзию успеха проводимых реформ и отвлекает ресурсы от более важных целей, достижение которых способствует реальному повышению стратегической конкурентоспособности страны. При всех нюансах и недостатках методик составления большинства рейтингов следует признать, что они нацелены на измерение конкретных результатов, а рейтинг Doing Business – преимущественно на совершенствование процедур, которое может реализовываться достаточно формально, «на бумаге», и не иметь прямой связи с действительными экономическими достижениями, что и подтверждается данными рисунка 1 и результатами определения соответствующих коэффициентов корреляции. Это не означает, что о продвижении вперед в этом рейтинге следует забыть, но для отнесения его к «флагманским» достаточных оснований нет. Данный рейтинг представляет определенный интерес с точки зрения рекомендаций для России, но концентрировать внимание на конкретных местах не имеет смысла.

Такой логики мы будем придерживаться и в дальнейшем анализе, разделив по его результатам все рассматриваемые рейтинги на две группы. В одну из них войдут рейтинги, место в которых имеет значение для реальной, а не формальной, оценки достижений России в сопоставлении с другими странами и влияет на ее международную репутацию. Здесь важно добиться эффективного взаимодействия с разработчиками подобных рейтингов и участвовать в работе по совершенствованию методологии их составления. В другой группе окажутся рейтинги, которые представляют интерес лишь с точки зрения анализа рекомендаций их авторов в части диагностики проблем, свойственных России, и механизмов их решения, но информация о том месте, которое они ей отводят в своих ранжированных рядах, будет второстепенной.

С учетом изложенного перейдем к рассмотрению содержательного рейтинга стран по уровню глобальной конкурентоспособности, детали методологии составления которого приведены в годовом отчете Всемирного экономического форума 2020 под редакцией его президента Клауса Шваба [The Global Competitiveness Report, 2019]. Следует отметить глубокую проработку проблематики влияния экономического роста на глобальную конкурентоспособность, отражающую принципиальную позицию авторов рейтинга, заключающуюся в том, что именно достижения разных стран мира в сфере экономики являются важнейшим фактором, позволяющим им занять достойное место в рассматриваемом рейтинге.

Следует принять во внимание: речь в данном случае идет не только о конкурентоспособности национальных экономик, но и глобальной конкурентоспособности стран в целом. Непредвзятый анализ структуры рейтинга показывает, что в нем практически отсутствуют индикаторы, содержащие объективную информацию об обеспечении национальной безопасности, а индикаторы, соответствующие утвержденным ООН целям устойчивого развития, представлены лишь частично. Не учитывается в перечне рассмотренных показателей и оценка степени влияния стран на мировую политику и экономику. И тогда, в рамках существенно усеченного перечня показателей глобальной конкурентоспособности, легко объяснить почему, например, Люксембург занимает в рейтинге 18 место, а Китай – 28.

Представляется, что в рассматриваемом рейтинге обязательно должно найтись место учету таких критериев, как наличие у страны статуса постоянного члена совета безопасности ООН, а также членство в «Большой двадцатке» (G20). «Большую семерку» (G7) в этом контексте мы не упоминаем по двум причинам: все ее члены входят в G20, а влияние стран «Большой семерки» на глобальные процессы имеет выраженную тенденцию к снижению. Характерно, что ряд стран – членов престижного клуба G20 (Турция, Индия, Бразилия, Аргентина) не входят даже в Топ–60 стран, представленных в рейтинге глобальной конкурентоспособности.

Важным направлением совершенствования рассматриваемого рейтинга может (и, на наш взгляд, должно) стать дополнение четырех традиционных

15 При определении корреляционной связи учитывался лаг между показателями рейтинга Doing Business и показателями динамики ВВП продолжительностью один год. Показателю изменения в рейтинге, например, за 2010 год соответствовал показатель темпов изменения ВВП за 2011 год. В этом есть своя экономическая логика: именно улучшение положения в рейтинге должно способствовать росту ВВП и объему инвестиций, а не наоборот. Однако расчеты, выполненные без учета лага и с его величиной больше единицы, не внесли никаких принципиальных изменений в полученные результаты.

Таблица 4. Оценка «силы корреляционной связи» рейтингу Doing Business с другими рейтингами

Data chart 4. Evaluation of 'correlation strength' for Doing Business rating with other ratings

Значение коэффициента корреляции	Интерпретация силы корреляционной связи по шкале Чеддока		
	Исходная шкала	Сила корреляционной связи (доля случаев в %)	
		Рейтинга Doing Business с другими рейтингами	Всех рейтингов между собой (за исключением Doing Business и Всемирного индекса счастья)
От 0 до 0,3	Очень слабая	18,2	0
От 0,3 до 0,5	Слабая	81,2	0
От 0,5 до 0,7	Средняя	0	8,1
От 0,7 до 0,9	Высокая	0	75,7
От 0,9 до 1	Очень высокая	0	16,2

блоков показателей (благоприятные условия, человеческий капитал, рынки и инновационная экосистема), отмеченных в таблице 2 и составляющих основу рейтинга в настоящее время по меньшей мере двумя новыми блоками показателей, позволяющих учитывать имеющийся у разных стран потенциал в области обеспечения национальной безопасности и степень их влияния на формирование глобальной повестки дня.

В частности, в соответствии с действующей Стратегией национальной безопасности Российской Федерации[16], к основным показателям, подлежащим учету при оценке состояния национальной безопасности, относятся:

- удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств;
- доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах;
- ожидаемая продолжительность жизни;
- валовой внутренний продукт на душу населения;
- децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения);
- уровень инфляции;
- уровень безработицы;
- доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий и образования;
- доля расходов в валовом внутреннем продукте на культуру;
- доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам.

Аналогичные показатели представляют значительный интерес не только для России, но и для других стран и их учет при определении уровня глобальной конкурентоспособности (за исключением экономических показателей, уже включенных в методику рейтингования) мог бы содержательно дополнить как сами результаты расчетов, так и следующие из них выводы [Сенчагов, Иванов, 2015].

Рейтинг стран по уровню глобальной конкурентоспособности является одним из наиболее содержательных, и для России значительно важнее улучшение позиции в нем (в последнем рейтинге – 43 место), нежели в рассмотренном ранее рейтинге Doing Business.

Особое место в ряду рейтингов, приведенных ранее в таблице 2, занимают индекс верховенства закона и уровень восприятия коррупции, результаты которых имеют очень высокую корреляцию между собой (**таблица 4**), а методики составления во многом аналогичны и опираются на глобальные опросы экспертов. Представляется, для выявления и устранения недостатков российской практики правоприменения и анализа рекомендаций по противодействию коррупции Группы государств по борьбе с коррупцией [Анализ выполнения…, 2019], отмеченные рейтинги представляют существенный интерес. Такие рекомендации, в частности, касаются необходимости устранения конфликта интересов на различных уровнях власти, введения реальной ответственности за недостоверное или неполное предоставление сведений о доходах и имуществе парламентариев и судей, повышения прозрачности системы найма государственных служащих, в том числе судей и прокуроров.

Но с точки зрения качества межстрановых сопоставлений, рассматриваемых в настоящей статье, объективность этих рейтингов вызывает большие сомнения. В них, например, практически не получили позитивной оценки предпринимаемые в последнее время усилия по повышению открытости и прозрачности деятельности государственных органов. Или другой пример. В ранжированном ряду стран по «Индексу восприятия коррупции» за 2019 год, определяемому по методологии Transparency International, Россия занимает 144 место из 180 стран и уступает Украине 15 позиций. Безусловно, несмотря на определенные результаты реализации антикоррупционной политики, в России еще многое предстоит сделать, но, принимая во внимание общеизвестные факты тотальной коррупции на Украине, можно констатировать, что рассматриваемые результаты рейтингования изначально политизированы и не являются адекватным источником информации для сравнительных оценок.

Перейдем далее к сравнительному анализу применения таких рейтингов как индекс человеческого развития; уровень процветания и уровень социаль-

16 http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391

ного развития. Они также имеют очень высокую корреляцию между собой (все парные коэффициенты корреляции превышают 0,9) и поэтому достаточно логично включить в пул приоритетных один из этих рейтингов. Представляется, что наиболее проработанным и, в известной степени, респектабельным из них является индекс человеческого развития, основной вклад в разработку которого внесли пакистанский экономист Махбуб уль Хак и лауреат нобелевской премии по экономике индийский экономист Амартия Сен. Данный индекс публикуется ПРООН уже в течение 30 лет, в то время как рейтинг уровня процветания – с 2006 года, а рейтинг уровня социального развития – лишь с 2013 года.

Следует отметить и наличие очень высокого коэффициента корреляции индекса человеческого развития с рейтингом стран по размеру душевого ВВП по паритету покупательной способности – 0,95 (таблица 4). Показатель душевого валового национального дохода по ППС, тесно связанный с аналогичным показателем ВВП, является существенной частью методики определения индекса человеческого развития. Напомним, что валовый национальный доход отличается от валового внутреннего продукта тем, что при его определении не учитывается рыночная стоимость товаров и услуг, предназначенных для конечного потребления и произведенных нерезидентами на территории страны, и, наоборот, учитывается рыночная стоимость конечных товаров и услуг, произведенных резидентами за пределами страны. Именно рейтинг стран по индексу человеческого развития можно рассматривать в качестве одного из приоритетных, вхождение в обойму лидеров по которому должно стать предметом постоянного внимания.

Это не означает, что методику определения индекса человеческого развития следует признать канонической и не нуждающейся в совершенствовании. По крайней мере, *на три аспекта такого совершенствования целесообразно обратить внимание*.

1. Показатели валового национального дохода и валового внутреннего продукта постепенно утрачивают роль объективного индикатора экономического роста. Более того, понятие «рост» вступает в определенное противоречие с понятием «развитие». Причем, данный тезис практически отражает консенсус, достигнутый в профессиональном сообществе. Например, в работах В.А. Мау неоднократно отмечалось, что номинальные темпы роста ВВП перестали быть однозначным критерием успеха или неуспеха экономики [Мау, 2019; Идрисов, Мау, Божечкова, 2017]. Да и методика его расчета, приводимая практически в любом учебнике экономики, далеко не всегда соответствует реалиям современной жизни. Так, если посмотреть на ожидаемые расходы по ликвидации последствий недавней аварии в Красноярском крае, из-за которой в реки и почву попало больше 20 тысяч тонн дизельного топлива, то формально они увеличат ВВП, но в действительности ни о каком вкладе в экономический рост речь в данном случае не идет. К настоящему моменту объективная альтернатива показателю ВВП еще не найдена, но направление поиска, суть которого заключается в осознании, что рост благосостояния важнее номинальных темпов роста ВВП, уже не вызывает сомнений.

2. Включаемый в методику определения индекса человеческого развития индекс образования ориентирован прежде всего на учет средней продолжительности обучения детей школьного возраста и взрослого населения, но информации о качестве образования он не содержит. Между тем, возможность учиться в течение достаточно длительного периода времени не всегда свидетельствует, что люди, получившие образование, обладают достаточными компетенциями и чувствуют себя конкурентоспособными в современном динамично меняющемся мире. Поэтому методика определения индекса образования нуждается в совершенствовании с точки зрения сравнительного анализа качества образования в разных странах мира. Здесь целесообразно учитывать такие показатели, как удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме товаров, работ и услуг, пользующихся платежеспособным спросом, а также включаемые в определяемый компанией Pearson с 2012 года индекс эффективности национальных систем образования (Global Index of Cognitive Skills and Educational Attainment)[17] показатели когнитивных навыков: качество чтения и понимания текстов, математического и естественнонаучного образования, оценка международных достижений учащихся.

3. В действующую методику определения индекса человеческого развития не интегрированы положения доклада ПРООН за 2010 год, в котором понятие «развитие человека» было содержательно дополнено. Суть дополнений: репрезентативная оценка такого развития практически невозможна без учета реальных свобод человека, расширения его прав и возможностей и обеспечения социальной справедливости.

Дальнейшее совершенствование рейтинга стран по уровню человеческого развития по трем перечисленным направлениям с большой степенью вероятности приведет к тому, что рейтингование по уровню счастья, осуществляемое международной программой «Сеть решений устойчивого развития» при ООН утратит самостоятельное значение. Действительно, даже без включения рассмотренных дополнений в методику определения индекса человеческого развития, коэффициент его корреляции с рейтингом уровня счастья составляет 0,88 (таблица 4), а в случае их учета должен весьма существенно превысить отметку 0,9, которая по шкале Чеддока (таблица 5) характеризует «очень высокую» степень взаимосвязи. Основанием для подобного вывода служит анализ структуры этих рейтингов, которые в этом случае будут принципиально отличаться друг от друга только наличием показателей доступности и качества образования в методике определения индекса человеческого развития.

17 http://thelearningcurve.pearson.com/

Помимо заслуживающих особого внимания рейтингов стран по уровню глобальной конкурентоспособности и индексу человеческого развития, важное значение имеет и рейтингование по индексу устойчивого развития. С учетом появления новых глобальных вызовов и угроз, формой проявления которых стала пандемия коронавируса, роль этого рейтинга и его влияние на принятие экономических и политических решений будет только увеличиваться.

Семнадцать целей устойчивого развития

Идея определения индекса устойчивого развития заключается в оценке степени достижения разными странами 17 целей устойчивого развития (ЦУР), утвержденных ООН[18]. Для этого используется 162 ключевых индикатора, а сами цели считаются равнозначными [Sustainable Development Report, 2019].

Несмотря на то, что этот рейтинг можно считать наиболее полным исследованием, характеризующим степень достижения странами 17 целей устойчивого развития ООН, методология его составления также нуждается в совершенствовании. Для того, чтобы обосновать этот тезис, обратим внимание на следующие результаты, заслуживающие критического осмысления.

Среди стран ОЭСР ЦУР № 3 «Здоровье и благополучие» считается полностью достигнутой только в семи странах (Австралия, Ирландия, Израиль, Италия, Люксембург, Швеция, Норвегия – находятся в так называемой «зеленой зоне» – таблица 2). Для расчета степени достижения данной ЦУР используются девять различных показателей: уровень заболеваемость туберкулезом, уровень детской смертности, ожидаемая продолжительность жизни, уровень смертности на дорогах и ряд других. Однако, как стало очевидно в ходе пандемии коронавирусной инфекции, не у всех стран, имеющих высокие показатели по данной ЦУР, система здравоохранения оказалась готова к резкому росту заболеваемости. В частности, у Италии наблюдалась острая нехватка медицинского персонала, палат интенсивной терапии, койко-мест в больницах. Спорная, получившая негативные оценки профессионалов, модель «пассивного реагирования» на ухудшение эпидемиологической обстановки была использована в Швеции. А это означает, что приведенный перечень индикаторов для данной ЦУР не является исчерпывающим, и должен быть существенно дополнен, отражая, среди прочего, готовность систем здравоохранения стран к глобальным эпидемиям.

Для определения степени достижения ЦУР № 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах» используются два показателя: доли населения, проживающего менее чем на 1,6 долл./день и на 3,2 долл./день. Цель считается достигнутой, если в данные категории попадает менее двух процентов населения. Для стран ОЭСР дополнительно определяется такой показатель относительной бедности, как доля населения, доходы которого ниже половины медианного дохода для всего населения. Отметим, что данный показатель, с точки зрения авторов, в большей степени иллюстрирует бедность, однако отсутствие структурированных данных не позволяет рассчитывать его по всей совокупности стран. Парадоксальность полученных при составлении рейтинга результатов состоит в следующем: с одной стороны, среди всех целей устойчивого развития в нашей стране (как и в некоторых странах – бывших республиках СССР: Туркменистане, Украине, Молдове) достигнута только эта. С другой стороны, в Италии, Японии, Южной Корее, Канаде, Польше, Испании цель по ликвидации нищеты достигнута не в полном объеме.

В России действительно на 3,2 доллара в день проживает совсем небольшая часть населения. Но ликвидация крайней нищеты – лишь одно из условий, которые ставит ООН для достижения ЦУР №1. Наряду с этим ООН ставится задача к 2030 году сокращения вдвое числа лиц, живущих в бедности во всех ее проявлениях в соответствии с национальными стандартами[19]. По российской методологии к бедным принято относить лиц, с доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного на национальном уровне. По данным Госкомстата[20], в 2019 году в Российской Федерации доля такого населения составила 12,3 %, а доля населения, имеющего доходы ниже медианного среднедушевого денежного дохода – 50 %. Таким образом, можно констатировать, что представленный в рейтинге перечень индикаторов по достижению ЦУР № 1 необходимо существенно дополнить для получения более объективной картины по ликвидации нищеты во всех ее проявлениях.

Достаточно противоречивым выглядит и стопроцентное достижение Украиной ЦУР № 10 «Сокращение неравенства внутри стран и между ними», практически единственной среди стран Восточной Европы и Центральной Азии. При этом коэффициент Джини, на котором базируется оценка достижения ЦУР № 10, на Украине находится на уровне таких стран как Финляндия, Дания, Норвегия, являясь одним из самым низких в Европе. Полученное значение коэффициента Джини, по всей видимости, объясняется низким качеством статистических данных по доходам беднейших и богатейших слоев населения, а также наличием значительного сектора «теневой экономики», показатели которого не учитываются при проведении подобных расчетов. Украинский экономист Александр Охрименко оценил данные о том, что страна находится в числе европейских лидеров по снижению дифференциации

18 https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/

19 https://www.un.org/sustainabledevelopment/poverty/

20 https://www.gks.ru/sdg/data/goal1

доходов так: «Это большая победа тех, кто умеет делать рейтинги»[21].

Для определения степени достижения ЦУР № 12 «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства» используются в основном индикаторы, характеризующие выбросы опасных веществ в результате производственной деятельности, количество электронного мусора, объем твердых бытовых отходов, в том числе не подвергшихся вторичной переработке. Как и в рассмотренных выше примерах, используемые индикаторы далеки от комплексного охвата достижения ЦУР № 12. В отличие от акцентов, имеющих место в документах ООН, индикаторы рейтинга в рамках ЦУР «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства», пока не принимают во внимание необходимость уменьшения потерь продовольствия, совершенствования процедур проведения государственных закупок в контексте достижения данной ЦУР, повышения эффективности использования природных ресурсов и прочее. Достижению данной ЦУР могло бы способствовать также развитие рынка производства и потребления экологически чистых продуктов питания. Одним из существенных индикаторов ответственного подхода страны и ее населения к реализации ЦУР № 12 является уровень развития экономики совместного потребления. Одним из безусловных лидеров в данном направлении является Исландия. Также в Топ–10 из европейских стран вошли Мальта, Хорватия, Черногория, Дания, Ирландия. В индексе SDG, напротив, данные страны, за исключением Хорватии и Черногории, попадают в «красную зону» по уровню достижения ЦУР № 12.

На сегодняшний день разработка национальных показателей по достижению ЦУР не скоординирована на международном уровне как по количеству, так и по содержанию показателей. Например, в Бельгии используется 39 показателей, в Канаде – 244, а в российском проекте перечня показателей ЦУР 2020 предусмотрено 156 показателей[22].

Направления совершенствования индекса устойчивого развития

Анализ результатов сопоставлений стран по индексу устойчивого развития свидетельствует о том, что к основным направлениям его совершенствования могут быть отнесены:

1. Повышение качества данных, используемых для составления рейтинга. При расчете индекса устойчивого развития за основу берутся преимущественно данные международных организаций, которые, при более детальном рассмотрении оказываются достаточно поверхностными. Кроме того, ввиду отсутствия актуальных данных, для расчета ряда показателей индекса устойчивого развития за 2019 год, используются данные за 2015 – 2016 годы, что, очевидно, не учитывает последние изменения, как глобальные, так и в отдельных странах, и снижает поэтому репрезентативность получаемых результатов[23].

2. Расширение перечня и унификация показателей, характеризующих степень достижения ЦУР. Несмотря на то, что в отчете по устойчивому развитию за 2019 год использовано 85 глобальных индикаторов по сравнению с 60 показателями за 2016 год, применяемый перечень показателей для отдельных ЦУР не является достаточным.

3. Группировка ЦУР и описывающих их достижение показателей в соответствии с ключевым положением теории устойчивого развития: экономические, социальные и экологические проблемы решаются в комплексе. Такой подход позволит в значительной степени устранить внутреннюю корреляцию между целями устойчивого развития внутри отмеченных групп (например, индикаторы достижения таких ЦУР как ликвидация нищеты и голода коррелируют между собой весьма существенно) и представить результаты рейтинга в форме, более удобной для межстрановых сопоставлений. Группировка ЦУР может быть следующей:

– ЦУР социальной направленности: ликвидация нищеты; голода; здоровье и благополучие; качественное образование; гендерное равенство; уменьшение неравенства;

– ЦУР экономической направленности – недорогостоящая и чистая энергия; достойная работа и экономический рост; индустриализация, инновации и современная инфраструктура;

– ЦУР экологической направленности - чистая вода и санитария; ответственное потребление и производство; борьба с изменениями климата; сохранение морских экосистем; сохранение экосистем суши;

– Междисциплинарные ЦУР – устойчивые города и населенные пункты; мир, правосудие и эффективные институты; партнерство в интересах устойчивого развития.

Заключение

Представленные в статье расчеты и анализ полученных на их основе результатов подтвердили правомерность гипотезы авторов о том, что отнесение рейтинга Doing Business к флагманским и повышенное внимание к улучшению позиций России в нем слабо связано с повышением глобальной конкурентоспособности страны и отвлекает ресурсы от достижения более значимых целей. В отличие от большинства рассмотренных рейтингов, ориентированных на измерение конкретных результатов, отражающих его специфику, Doing Business фокусирует внимание преимущественно на совершенствовании процедур. А оно может достигаться достаточно формально, «на бумаге», и не иметь

21 https://112.ua/mnenie/koefficient-dzhini-kak-ukraina-stala-liderom-po-imushhestvennomu-ravenstvu-426448.html

22 https://www.gks.ru/sdg/national

23 https://www.sustainabledevelopment.report/

прямой связи с реальными экономическими достижениями, что подтверждается отсутствием корреляции продвижения страны в этом рейтинге с динамикой ВВП и инвестиционной активности.

К наиболее значимым, приоритетным рейтингам, наглядно свидетельствующим о наличии конкретных достижений страны в проведении экономических реформ и росте ее международного авторитета, следует отнести Рейтинг глобальной конкурентоспособности, Индекс человеческого развития и Индекс устойчивого развития. Область практического применения этих рейтингов связана с решением двуединой задачи продвижения в Топ-20 и взаимодействия с ключевыми разработчиками по вопросу совершенствования методик их определения, в том числе и с использованием приведенных в настоящей статье рекомендаций.

Область практического применения таких рейтингов как Уровень процветания, Уровень социального развития, Индекс верховенства закона, Уровень восприятия коррупции, Уровень счастья и Всемирный индекс счастья отличается от области практического применения приоритетных рейтингов. Она заключается в содержательной интерпретации выводов, касающихся России, в особенности в части анализа выявленных недостатков и возможных путей их устранения. При этом в разработке специальных мер, обеспечивающих позитивную динамику продвижения страны в этих рейтингах, нет необходимости, в особенности, с учетом высокой корреляции большинства из них с приоритетными рейтингами.

Литература

Анализ выполнения Россией рекомендаций Группы государств против коррупции (ГРЕКО) по внедрению международных стандартов. IV раунд. / Под ред. И.В. Шуманова. М.: Трансперенси Интернешнл Россия, 2019. 145 с.

Барабашев А.Г., Макаров А.А., Макаров И.А. О совершенствовании индикативных оценок качества государственного управления. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019. № 2. С. 7–38.

Идрисов Г.И., Мау В.А., Божечкова А.В. В поисках новой модели роста. *Вопросы экономики.* 2017. № 12, С. 5 – 23.

Мау В.А. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018-2019 гг. *Вопросы экономики.* 2019. № 3. С. 5 – 28.

Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Доклад о развитии человека, 2010, 20-е, юбилейное издание. / Пер. с англ. опубликовано для ПРООН. М., Издательство «Весь Мир», 2010. 244 с.

Сенчагов В., Иванов Е. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. М.; Институт экономики РАН, Центр финансовых исследований. 2015. 46 с.

Bucher S. The Global Competitiveness Index as an Indicator of Sustainable Development. *Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2018. Vol. 88: 1, P. 44–57.

Doshi R, Kelley J, Simmons B.A. The Power of Ranking: The Ease of Doing Business Indicator and Global Regulatory Behavior. *Cambridge University Press (CUP) in International Organization.* 2019. Vol. 73. P. 611-643.

McCormack G. Why 'Doing Business' with the World Bank May Be Bad for You. *European Business Organization Law Review*. 2018. № 19. P. 649-676.

Sustainable Development Report 2019. New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN). 2019. 478 p.

The Global Competitiveness Report, 2019. Editor by Klaus Schwab. World Economic Forum, 2020. 666 p.

Zarghami E., Fatourehchi D. Comparative analysis of rating systems in developing and developed countries: A systematic review and a future agenda towards a region-based sustainability assessment. *Journal of Cleaner Production*. V. 254.

References

Analysis of Russia's implementation of international standards according to the recommendations of Group of States Against Corruption, GRECO. Round 4. / Ed. by Shumanov I. V. M.: Transparency International Russia. 2019. 145 p. In Russian

Barabashev A. G., Makarov A. A., Makarov I. A. On the improvement of indicative quality assessment of public administration. *Voprosi gosudarstvennogo upravleniya.* 2019. № 2. P. 7–38. In Russian

Bucher S. The Global Competitiveness Index as an Indicator of Sustainable Development. *Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2018. Vol. 88: 1, P. 44–57. In English

Doshi R, Kelley J, Simmons B. A. The Power of Ranking: The Ease of Doing Business Indicator and Global Regulatory Behavior. *Cambridge University Press (CUP) in International Organization.* 2019. Vol. 73. P. 611-643. In English

Idrisov G. I., Mau V. A., Bozhechkova A. V. Searching for a New Growth Model. *Voprosy Ekonomiki.* 2017. № 12. P. 5 – 23. In Russian

Human Development Report 2010. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 244 p. In English

Mau V. A. National goals and model of economic growth: New in the Russian socio-economic policy of 2018-2019. *Voprosy Ekonomiki.* 2019. № 3. P. 5-28. In Russian

McCormack G. Why 'Doing Business' with the World Bank May Be Bad for You. *European Business Organization Law Review*. 2018. № 19. P. 649-676. In English

Senchagov V., Ivanov E. Structure of the mechanism for modern monitoring of Russia's economic security. M.: Institut ekonomiki RAN, Centr finansovyh issledovanij. 2015. 46 p. In Russian

Sustainable Development Report 2019. New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN). 2019. 478 p. in English

The Global Competitiveness Report, 2019. Editor by Klaus Schwab. World Economic Forum, 2020. 666 p. In English

Zarghami E., Fatourehchi D. Comparative analysis of rating systems in developing and developed countries: A systematic review and a future agenda towards a region-based sustainability assessment. *Journal of Cleaner Production*. V. 254. In English